

Глава 32 - Это должно быть любовь

В эту ночь Джиминг и Шаша были заперты в комнате на первом этаже небольшого здания. Поскольку окна были закрыты, а на металлической двери был замок, их веревки были ослаблены, и им была доставлена еда. Первоначально предполагалось, что Джиминг получит жестокое избиение от Цао Дунфэн, но этого еще не произошло. Когда он снова подумал об этом, то понял, что Цао Дунфэн любил Линджинг, поэтому, если Шашу и его заперли в комнате, он, вероятно, приказал людям также похитить Линджинг. Джиминг понял, что как только Линджинг поймают, он будет подвергнут пыткам перед ней, чтобы причинить ей боль.

Так как это было так, он будет ждать еще один день ... Он будет действовать только тогда, когда Линджинг будет перед ним. Если бы он сделал ход сейчас, когда у другой стороны был заложник, все стало бы довольно неприятно. Кроме того, теперь он мог взглянуть на то, что происходило с Цукичи Каору.

Еда не была завернута, поэтому Джиминг сел и съел пару кусочков. Энергичная Шаша постоянно пинала дверь, громко ругаясь. Когда она, наконец, устала от всех криков, на улице было совсем темно. Поскольку в комнате не было света, ей приходилось слепо нащупывать стол, чтобы занять место и что-нибудь съесть. Она была придирчивым едоком, не любила чеснок или имбирь; поэтому, когда она начала есть, она иногда останавливалась и выплевывала кусочки пищи. Когда она уже съела пол порции, она вдруг спросила: «Ах! Что, если еда была отравлена ... »

Джиминг хихикнул: «Тогда я был бы уже мертв».

Шаша помолчала, а потом спросила, хорошо ли он себя чувствует. Однако, хотя она получила положительный ответ, ей больше не хотелось есть.

Это потребовало бы больших усилий Джиминга, чтобы убежать из этой бетонной комнаты с решетками на окнах и запертой металлической дверью. Помимо стола, кровати и небольшого туалета в углу, в основном ничего в комнате не было. Шаша сидела в конце кровати и тихо проклинала, фантазируя о стратегии побега, иногда изредка утешая Джиминга словами «не бойся». Джиминг некоторое время откликнулся, но он сосредоточился на том, чтобы слушать ситуацию, происходящую по соседству.

«Не обвиняй меня в этом; ты находишься в такой ситуации, потому что твой отец мне должен...»

«Он был тем, кто изначально использовал замаскированные средства, чтобы вырвать твою мать, когда она была моей невестой. Он действительно осмелился состязаться со своим старшим братом за его жену ... »

«На протяжении многих лет мне приходилось сдерживаться, пока я не получил поддержку от Лиры Тенебрис. Клану Цукичи конец, Каору, я заставил спасти тебя, а также не дать умиению Иксакура Сенмабороши исчезнуть. Я изначально был главным наследником клана Цукичи, потому что я был наиболее квалифицированным, чтобы преуспеть в Иксакуре Сенмабороши ...»

«Поскольку я попал в эту ситуацию, я сделаю все, чтобы его получить!»

Голос старого японского человека был на удивление женоподобным, звучащим точно так же, как у евнуха, его слова звучали выше, чем когда-либо. После нескольких предложений пролунал звук ***па***. Казалось, что он использовал синай, чтобы избить девочку, но умело

контролировал свои силы, чтобы максимизировать боль, которую она чувствовала, не причиняя вреда ее костям или мускулам. Джиминг задавался вопросом, действительно ли этот парень был экспертом в игре BDSM.

Глубоко погруженные в свои мысли, он и Шаша сидели до полуночи. Шаша уже была не в настроении кричать, и после того, как она зевнула несколько раз, Джиминг сказал: «Шаша, ложись спать».

«Как насчет тебя?»

«Есть только одна кровать. Так что я посплю на полу».

«Как ты можешь это сделать!» Шаша вскочила и некоторое время колебалась, прежде чем сказать: «Уже почти зима, и холодно, поэтому ты можешь заболеть. Как насчет ... как насчет того, чтобы мы разделили кровать; мы просто будем спать вместе».

Джиминг коротко улыбнулся, ему все это не нравилось, но, так как Шаша сказала это, он сделал беглые возражения, прежде чем сдаться. Они сняли ботинки и забрались в кровать. Джиминг лежал скраю, а Шаша спала внутри, напротив стены. Поскольку одеяло было тонким, как бумага, они старались не касаться друг друга. Они уже были хорошо знакомы друг с другом; когда они были на семейной вилле Лю, и уставали после игр, они иногда засыпали вместе. Однако это был первый случай, когда его можно было рассматривать как «совместное использование кровати». В течение первых десяти минут Шаша была такой жесткой, как труп, и не двигалась. Однако вскоре после этого она вдруг пробормотала: «Там нет подушки ...», затем она начала перемещаться по кровати.

Джиминг слегка дремал, и в этой ситуации, хотя он закрыл глаза, он все еще знал о происходящем вокруг него. Услышав, что Шаша меняет положение каждые несколько минут, он думал, что она довольно смехотворна. Примерно через час она наконец заснула. Однако, поскольку ей стало холодно, она свернулась калачиком и потянула тонкое одеяло к себе, пока полностью в него не укуталась.

Примерно через три часа, посреди ночи, Шаша снова начала неестественно двигаться. Она поднялась с кровати и несколько раз помахала рукой перед лицом Джиминга. Потом казалось, что она поднялась над ним, чтобы сойти с кровати. Но когда она наклонилась над ним примерно на полпути, она остановилась и вернулась к своему первоначальному положению, осторожно прикрыв Джиминга одеялом. Она действовала так же, как неуклюжая жена, которая до сих пор не знакома с заботой о своем муже. Потянув на себя одеяло, она снова махнула рукой перед лицом Джиминга, а затем, наконец, поднялась с кровати.

Что она планирует делать ...

Джиминг подумал, что это странно. Обычно Шашу было легко прочитать; но ее действие в последнее время отличалось от ее обычного отношения, поэтому он открыл глаза. Он увидел, как ее тень направилась к углу комнаты и спустила штаны, прежде чем он наконец понял, что происходит. Когда он снова закрыл глаза, из этого угла комнаты раздался тихий звук воды, а затем Шаша взобралась на кровать, проползла под одеялом и снова легла как труп.

Поскольку подушки не было, и было довольно холодно, Шаша начала неудобно двигаться, и через несколько раз она наконец схватила Джиминга за руку, а затем осторожно перевела его руку в горизонтальное положение.

«Линджинг, прости меня, это только один раз ...»

Джиминг услышала, как она тихо это прошептала, а затем быстро взяла его руку, как подушку. Вскоре после того, как она заснула, она несколько раз перевернулась и в конце концов обняла Джиминга, не проснувшись. Джиминг криво усмехнулся и сжал ее плечо. Эта девушка ... лилии действительно верны... Несмотря на то, что она его только обнимала, дабы согреться, она все же искренне извинилась перед своим другом. В этот момент Джиминг был очень тронут и подумал: « Это, должно быть, любовь.»

Ночь прошла без происшествий, и когда наступило утро, лицо Шаши было таким же красным, как помидор. Чтобы избежать смущающей ситуации, она снова начала громко ругаться, и вскоре после этого кто-то подошел и продвинул две парные булочки через решетку окна. Сквозь щель двери, Джиминг мог видеть площадь, где маленькая японская девушка в том же красном кимоно тихо сидела, и получала побои.

Утром фабрика была относительно спокойной - Цао Цзиньяо и Цао Дунфэн оба покинули этот район, и из площади был слышен только женский голос старика, сопровождаемый энергичным проклятием Шаши. Джиминг счел это довольно забавным, когда два голоса - один на китайском, другой на японском смешались.

Во второй половине дня отец и сын Цао вернулись в сердитом настроении. Как только они прибыли, Цао Дунфэн потребовал от них открыть металлическую дверь и связать двух детей, прежде чем вытолкнуть их.

Вероятно, у них не было ничего подготовленного для Шаши, поскольку они привязывали ее к стулу, а Джиминг был приведен до двухметровой стойки. Он был вынужден стоять против нее, с завязанными за спиной руки. Рядом с ним Цукичи Каору все еще подвергали пыткам. Его нынешняя позиция заставила Джиминг подумать о том, что он будет одним из тех героических мучеников, которые пожертвовали своей жизнью ради революции.

«Sh * t, я не хочу больше ждать, когда прибудет Лиджинг». Как и старый японский человек, Цао Дунфэн также держал синай. Злобно матерясь, он пошел к Джимингу, когда Шаша громко кричала: «Цао Дунфэн, что ты делаешь! Я не забуду это, если ты ему что-нибудь сделаешь!»

«Хмф, ты больше ничего не можешь сказать. Закройте ей рот!» Цао Дунфэн приказал двум подчиненным. Они вытащили кляп и засунули его ей в рот, чтобы она не говорила: «F * ck, студент Джиминг, честно говоря, сегодня я немного сумасшедший, поэтому я собираюсь согнать на тебе весь мой гнев!»

Когда он это сказал, то нацелил свой синай в желудок Джиминга и нанес удар!

<http://tl.rulate.ru/book/12401/255335>